

М.Д. Боурре

**Интимный дневник шевалье де-Корберона
французского дипломата при дворе Екатерины
II**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М.Д. Боурре**
Интимный дневник шевалье де-Корберона: французского дипломата при дворе Екатерины II / М.Д. Боурре – М.: Книга по Требованию, 2024. – 274 с.

ISBN 978-5-517-96440-3

ISBN 978-5-517-96440-3

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Дневникъ шевалье де-Корберона

1775 годъ.

Съ 14 по 20 іюля.

Мы *) выѣхали изъ Дрездена въ часъ ночи, причемъ пришлось вновь упаковывать вещи, распакованные только на одинъ день. Очень жалѣли, что не могли остаться подольше. Ночь была лунная. Я сидѣлъ въ англійской каретѣ съ маркизомъ. Желая завязать съ нимъ политическій разговоръ, я сталъ говорить о торговлѣ Россіи съ Англіей и о преимуществахъ, которыми пользуется послѣдняя по сравненію съ нами. Маркизь отвѣчалъ неопредѣленно, какъ человекъ, желающій скрыть свое мнѣніе или неуспѣвшій себѣ его составить; можетъ быть даже то и другое вмѣстѣ. Затѣмъ мы стали говорить о посланникахъ короля при разныхъ дворахъ, причемъ маркизь хорошо отзывался только о двухъ: о баронѣ де-Бретейлѣ и графѣ Монморейлѣ. Замѣчательно, что маркизь де-Жюинье хвалитъ именно тѣхъ лицъ, которые дурно объ немъ отзываются: де-Бретейля, открыто говорившаго въ Вѣнѣ, что маркизь ни на что не способенъ, и графа Барбансона, который хотя и не былъ посланникомъ, но, по мнѣнію маркиза, больше всѣхъ другихъ способенъ быть таковымъ.

Съ этого дня мы ѣхали не останавливаясь до самой Варшавы, такъ что ничего почти не могли видѣть. Проѣхали мы черезъ Бунцлау, гдѣ подвергались таможенному осмотру прусскихъ властей. Я мимоходомъ замѣтилъ, что прусскія таможи не строже прочихъ и что съ помощью денегъ да нѣкоторой ловкости отъ нихъ можно

благополучно отдѣлаться. Въ Бреславлѣ, гдѣ чинились наши экипажи, мнѣ удалось заснуть часа два на кровати, хотя и не раздѣваясь. Въ этомъ городѣ мы видѣли много французовъ, взятыхъ въ плѣнъ во время послѣдней войны. Они очень скучаютъ по родинѣ и стремятся вернуться.

Изъ Бреславля путь идетъ на Вартенбергъ, гдѣ лежитъ граница между Пруссіей и Польшей. По дорогѣ къ Наравичу (Narawicz) мы провели очень утомительную ночь. Почта тамъ ходитъ на заморенныхъ еврейскихъ клячахъ. Эти несчастныя животныя все время ташили насъ шагомъ, тѣмъ болѣе что дорога идетъ лѣсомъ и ночь была настолько темна, что намъ пришлось зажечь факелы изъ сосновыхъ и еловыхъ вѣтвей. Горятъ они очень ярко и мы устроили изъ нихъ, ради удовольствія, очень красивую иллюминацію. Но эта ужасная ночь все же насъ утомила. Часа въ четыре утра, мы приѣхали въ Вельжи (Wielgie), а оттуда, черезъ Черновицы, пробрались въ Варшаву.

Ужасная страна! Ели да песокъ. Городами тамъ называются простыя деревушки, состоящія изъ деревянныхъ хибарокъ, прокопченныхъ дымомъ и покрытыхъ пылью, что, кромѣ убожества, придаетъ имъ видъ крайней нечистоплотности. Обыватели, по большинству еврей, дополняютъ печальную картину, тѣмъ болѣе что, не смотря на бѣдность и гнѣтъ, въ которыхъ живутъ, они повидимому не чувствуютъ своего несчастія: рабы, нищія, а между тѣмъ кажутся довольными. Привычка скрашиваетъ, должно быть, ужасъ невольничества, но она за то унижаетъ

*) То есть авторъ «Дневника», съ маркизомъ де-Жюинье, маркизомъ Пюсегромъ (вторымъ секретаремъ), аббатомъ Дефоржемъ и другими членами посольства.

людей, лишаетъ ихъ характера. Наши служители были этихъ несчастныхъ, что однакожь заставляло ихъ только смѣяться да удваивать свое усердіе. Но въ то-же время они не упустили случая въ украсть у насъ, что могли. Мнѣ кажется ударъ палкой и мелкая монета производятъ на нихъ одинаковое впечатлѣніе; они одинаково смѣются и одинаково благодарятъ за то и за другое Души ихъ, угнетенныя продолжительнымъ рабствомъ, потеряли уже способность чувствовать оскорбленіе. Удивительно ли послѣ этого, что люди, настолько лишенные понятія о своихъ правахъ, могутъ подчиняться первой попавшейся силѣ?

Къ такимъ печальнымъ философскимъ выводамъ привела меня, между прочимъ, одна тяжелая сцена, которой я былъ свидѣтелемъ. Мы были въ Равѣ (Rava), небольшомъ городкѣ, больше похожемъ на деревню. Желая дать лошадямъ отдыхъ, мы пробывали тамъ около трехъ часовъ. Во время обѣда, одна изъ служившихъ намъ дѣвушекъ разбила тарелку, стоющую не болѣе четырехъ или пяти польскихъ флориновъ, то есть одно экю. Хозяйка гостинницы побила эту несчастную и кромѣ того приговорила ее къ уплатѣ стоимости разбитой тарелки. Надо знать, какое ничтожное жалованье получаетъ польская прислуга, чтобы понять горе дѣвушки; она пришла къ намъ заливаясь слезами, такъ что всѣ мы были тронуты. Маркизь де-Жюинье тотчасъ же рѣшился заплатить за тарелку, и когда аббатъ *), по его приказанію, передалъ дѣвушкѣ деньги, то я помню, какая перемѣна произошла въ выраженіи ея лица: радость и удивленіе сдѣлали ее неподвижной. Но скоро она пришла въ себя и, бросившись къ ногамъ маркиза, стала со слезами цѣловать его руки. „Чѣмъ я заслужила такую милость со стороны этого добраго господина?“ говорила она. Самъ маркизь прослезился, но у меня слезы не пошли въ виду слѣдующаго соображенія: „Этотъ человекъ, по природѣ, добръ“ — думалъ я — „и

остался бы добрымъ, если бы не былъ скупъ. Вотъ онъ теперь заплатилъ экю, чтобы доставить своей душѣ радость, а лундора то, пожалуй, для такой цѣли не пожертвовалъ бы“.

Только что я это подумалъ, какъ въ комнату вошла маленькая депутація отъ мѣстныхъ школъ, въ лицѣ трехъ монаховъ, принесшихъ на поклонъ Его Превосходительству корзину съ грушами и съазавшихъ привѣтственную рѣчь на плохомъ латинскомъ языкѣ. Маркизь вышелъ изъ этого испытанія не съ такимъ блескомъ какъ изъ предъидущаго. Попробовавъ груши и задавъ монахамъ нѣсколько пустыхъ вопросовъ, онъ сталъ пить кофе, даже не предложивъ его имъ, такъ что депутаты принуждены были уйти съ пустыми руками. Это меня очень огорчило; да и не меня одного. Я вспоминалъ о своемъ соображеніи и нашелъ его вполне справедливымъ.

Четвергъ, 20.

Въ Варшаву мы прибыли въ десять часовъ утра, и часа два должны были ожидать, пока намъ найдутъ недорогое помѣщеніе, такъ какъ маркизь, по экономическимъ соображеніямъ, заранѣе позаботился только объ одномъ себѣ. Въ концѣ концовъ мы помѣстились въ домъ герцога Карла Курляндскаго, котораго въ это время въ Варшавѣ не было. Управляющій его уступилъ намъ нѣсколько комнатъ. Надо замѣтить, что тѣмъ, кто ѣдетъ въ Польшу, слѣдовало бы заранѣе запасаться квартирою, такъ какъ польскіе магнаты относятся гостеприимно только къ своимъ знакомымъ и друзьямъ, а гостинницъ очень мало и онѣ дороги. За помѣщеніе нашей компаніи, напримѣръ, съ маркиза просили сто дукатовъ въ день; какъ мы ни торговались—ничего не помогло и, если бы не управляющій герцога Курляндскаго, намъ пришлось бы плохо.

Что касается самаго маркиза, то другъ его, великій гетманъ (Grand-général) Литовскій, графъ Огинскій, прислалъ своего адъютанта, барона Гейкинга, съ предложеніемъ помѣститься у него (на что маркизь и разсчитывалъ).

*) Дефоржъ, капелланъ маркиза де-Жюинье, сопровождавшій его въ Россію.

Мы съ Пюнсегюромъ пошли прогуляться по городу, а потомъ отправились въ театръ, гдѣ давалась опера-буффъ, *Le Chevalier de la Vieille-Roche*, доставившая мнѣ большое удовольствіе. Возвратившись домой, мы нашли приглашеніе графа Огинскаго остановиться у него, чѣмъ тотчасъ же и воспользовались. Маркизь представилъ насъ, съ обычной для него неловкостью. Наконецъ то мы получили то, чего такъ долго были лишены: хорошій ужинъ и хорошую постель; за то и выспались какъ слѣдуетъ.

Пятница, 21.

У меня сегодня были съ визитомъ очень многіе и между прочимъ Гейкиннгъ, котораго я нашелъ человѣкомъ, умнымъ и не лишеннымъ философскихъ идей. За обѣдомъ присутствовали двѣ дамы, которыя мнѣ показались весьма милыми. Одну изъ нихъ называли старостихой (*starostica*), потому что мужъ ея былъ староста, то есть губернаторъ. Это—молодая женщина, лѣтъ двадцати, съ фигурой, достойной Роксоланы. Пюнсегюръ тотчасъ же пристроился къ ней въ роли Сулеймана. Другую даму называли подскарбиной (*podscarbina*), что значитъ—жена казначея; настоящихъ именъ этихъ дамъ я не знаю. Послѣдняя была настолько же нѣжна и деликатна, насколько первая бойка и кокетлива. Говорили, что она очень добродѣтельна и холодна. Эти два эпитета въ Польшѣ всегда совмѣщаются, потому что въ этой странѣ большинство женщинъ очень соблазнительны и легко доступны. Жаль только, что главнымъ условіемъ нѣжныхъ отношеній тамъ часто является золото. Поэтому страсти въ Польшѣ такъ же рѣдки, какъ и сложныя интриги. Тамъ не любятъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, а сговариваются. Старостиха слыла тогда фавориткой графа Огинскаго; выйдя два года тому назадъ замужъ за старосту, которому было запрещено пользоваться супружескими правами, она черезъ нѣсколько времени разошлась съ нимъ и въ ранней молодости стала пользоваться свободой и прерогативами вдовы.

Суббота, 22.

Утромъ я былъ у гетмана; это очень любезный человѣкъ, по вкусу и по привычкѣ посвятившій себя свободнымъ искусствамъ, къ которымъ онъ очень способенъ, особенно къ страстно любимой имъ музыкѣ. Онъ очень хорошо играетъ на скрипкѣ, на кларнетѣ, на клавесинѣ, на арфѣ и на гармоникѣ. Мнѣ онъ рассказывалъ объ арфѣ, которую изобрѣлъ и къ которой будетъ приспособлена флейта. Теперь онъ сочиняетъ оперу на польскомъ языкѣ, очень къ тому пригодномъ; я съ удовольствіемъ прослушалъ одинъ пассажъ изъ этой оперы. Характеръ графа Огинскаго проявляется во всѣхъ его поступкахъ не столько энергичнымъ, сколько нѣжнымъ и мягко-чувственнымъ. Этими объясняется оклонность его къ частной жизни и къ музыкѣ. Онъ былъ бы болѣе умѣстенъ въ монархіи, чѣмъ въ республикѣ; поэтому то конфедераты, какъ мнѣ кажется, болѣе вѣрять въ окружающихъ его лицъ, чѣмъ въ него самого. На дѣлѣ имъ руководитъ графъ Коминскій, человѣкъ тонкій, развязный, обладающій дѣльнымъ, повелительнымъ характеромъ. Передъ обѣдомъ мы сдѣлали визитъ вице-канцлеру. Послѣ кофе, явился русскій посолъ, графъ Штагельбергъ. Я видѣлъ его одну только минутку, но все-таки онъ мнѣ показался человѣкомъ ловкимъ, тонкимъ, много повившимся и знающимъ людей. Затѣмъ баронъ Гейкиннгъ предложилъ намъ прогуляться въ Саксонскомъ саду, очень красивомъ; мы съ Пюнсегюромъ согласились. Тамъ было много дамъ, очень красивыхъ, и въ томъ числѣ публичныя женщины, болѣе привлекательныя, чѣмъ въ другихъ странахъ. Съ одной изъ нихъ мы разговорились и она насъ очень позабавила.

Воскресенье, 23.

Въ полдень, всѣ мы, вмѣстѣ съ маркизомъ, представлялись королю, находившемуся тогда у обѣдни, въ дворцовой церкви, очень простенькой. Да и вообще весь дворецъ некрасивъ.

Есть въ немъ нѣсколько довольно большихъ залъ, какъ та, на примѣръ, въ которой развѣшены портреты всѣхъ польскихъ королей, затѣмъ—бальная или концертная, и наконецъ та, гдѣ мы ждали возвращенія короля изъ церкви. Народу было много; почти столько же, сколько бываетъ въ Ойльде-Бефъ, въ Версали. Когда король вернулся, то насъ пригласили въ собѣдную комнату, довольно большую, но темную, гдѣ мы и были представлены. Король стоялъ опершись на каминъ, онъ высокъ ростомъ, красиво сложенъ, обладаетъ прекрасными чертами и благороднымъ, полнымъ достоинства и доброты лицомъ. Онъ принялъ маркиза весьма милостиво, а нашъ посольскій казначейскій чиновникъ и смотрѣлъ въ землю. Поговоривъ съ нимъ нѣсколько минутъ, Его Величество взглянулъ на насъ, какъ бы желая, чтобы насъ ему представили, но посольскій канцлеръ догадался исполнить желаніе короля. У Пюнсегюра король спросилъ, не родственникъ ли онъ маршалу Пюнсегюру, писавшему о военномъ искусствѣ, а у меня—не бретонецъ ли я (въ виду перваго слога моего имени).

Маркизъ могъ бы воспользоваться этимъ, чтобы сказать, что я—его племянникъ и родственникъ министра иностранныхъ дѣлъ, сообщить о моемъ положеніи въ посольствѣ и мѣстѣ, которое занималъ мой отецъ. Но онъ ничего этого не сдѣлалъ, что меня, признаться сказать, очень обидѣло. Черезъ нѣсколько минутъ король со свитой удалился. Такое смѣшеніе французскихъ обычаевъ съ польскими довольно оригинально. Пышные мундиры, и при нихъ—длинные усы, бритые головы; намъ это не понравилось: точно два столѣтія соединены въ одно. Новыя моды, однакожь, берутъ верхъ надъ старыми; дамы и иностранцы предпочитаютъ французскій костюмъ, да и король тоже.

Вечеромъ мы ѣздили въ его загородный дворецъ, Лазенки, гдѣ онъ проводитъ все лѣто; очень красивое мѣсто. Домъ тамъ маленькій и окруженъ водою, но сады очаровательны своей

безъ искусственности. Есть въ нихъ цвѣтники и много тѣни.

Понедѣльникъ, 24.

Мы съ Гейкингомъ говорили о политикѣ; онъ сказалъ, что много работалъ подъ руководствомъ своего дяди, графа Сакена, министра иностранныхъ дѣлъ при электорѣ Саксонскомъ. А встати Гейкингъ передалъ мнѣ слѣдующую записку, съ просьбой воспользоваться ею, когда представится случай:

Записка барона Гейкинга.

„Хотя принцъ Карлъ Саксонскій долженъ былъ уступить герцогство Курляндское отцу нынѣ царствующаго герцога *), но мой отецъ, дроссаръ (drossard) Гейкингъ, въ виду двойной присяги принцу Карлу, захотѣлъ остаться ему непоколебимо вѣрнымъ. Эта вѣрность была наказана конфискаціей его имуществъ и балъжей.

„Такъ какъ законы Курляндіи запрещаютъ конфискаціи такого рода, то мой отецъ жаловался королю и всей націи. Процессъ шелъ много лѣтъ, до тѣхъ поръ пока князь Репнинъ **), русскій посланникъ, тронутый несчастнымъ положеніемъ моего отца, не вступился за него и не убѣдилъ герцога Эрнеста-Юганна дать ему въ вознагражденіе за убытки Виндавское дроссарство (drossarderie) и Нейгаузенскій балъжъ.

„Будучи увѣренъ въ покровительствѣ Ея Величества, Императрицы Всероссійской, мой отецъ вступилъ во владѣніе этими имѣніями, но здоровье его, подточенное горемъ, не выдержало и онъ скончался, только что пріѣхавъ въ Курляндію. Герцогъ Эрнестъ-Юганнъ поэтому счелъ себя свободнымъ отъ обязательства и отнялъ у насъ имѣнія, лишивъ, такимъ образомъ, всего, чѣмъ мы были обязаны покровительству Ея Величества. Живя вдали отъ родины и будучи слишкомъ молодъ для того,

*) Бирона.

***) Николай Васильевичъ, будущій фельдмаршалъ, племянникъ Панина.

чтобы настаивать на своихъ справедливыхъ требованіяхъ, я вытерпѣлъ здѣсь все, что бѣдность заключаетъ въ себѣ тяжелаго, противопоставляя суровому року только безупречное поведеніе и прилежныя занятія науками. Достигнувъ теперь чина маіора, командира батальономъ 1-го Литовскаго пѣхотнаго полка, я вижу, что получаемое мною скромное жалованье будетъ недостаточнымъ для удовлетворенія моихъ нуждъ, если царствующій герцогъ не удостоитъ дать мнѣ нѣкоторую помощь, въ видѣ ли скромной пенсіи на нѣсколько лѣтъ, или въ видѣ единовременнаго вспоможенія, или, наконецъ, въ видѣ какого-нибудь балъяжа“.

„Его Превосходительству, маркизу де-Жюнье, было бы легко получить отъ графа Панина *) рекомендательное письмо на этотъ счетъ къ Его Высочеству, царствующему герцогу.

Подписано: „Баронъ Гейкинъ, камергеръ и маіоръ 1-го Литовскаго полка“.

Вечеромъ мы были въ оперѣ, а потомъ гуляли съ Гейкингомъ, причѣмъ говорили о масонствѣ. Завтра онъ поведетъ меня къ главѣ ложи „*Испытанной Дружбы*“ который записалъ меня въ число ея членовъ.

Вторникъ, 25.

Вечеромъ король былъ съ визитомъ у гр. Огинской. Онъ оставался съ полчаса, а потомъ мы съ великимъ гетманомъ были на свадьбѣ въ одной городской семьѣ. Было много народа. Религіозная церемонія происхо-

*) Никиты Цвановича, о которомъ де-Корберонъ, въ депешѣ своей къ де-Вержену, отзывается такъ: «Графъ Панинъ—старѣйшій изъ министровъ этого двора. Онъ безсиленъ передъ фаворитами, какъ и всѣ прочіе; вліянія не имѣетъ никакого. Слостолюбивый по натурѣ и лѣнивый по привычкѣ, онъ даже и не заботится о томъ, чтобы имѣть вліяніе на государыню». Еще раньше, Сабатье де-Кабръ говорилъ о немъ въ 1772 г.: «Безпечность и лѣнь его невыразимы. Онъ проводитъ всю жизнь со льстецами и второстепенными куртизанками. Дѣла, даже самыя важныя, лежатъ у него безъ движенія; мало образованъ и вкусами своими напоминаетъ молодого, избалованнаго женщинами развратника».

дила въ залѣ, гдѣ былъ поставленъ временной алтарь. Я не замѣтилъ большой разницы съ процедурой вѣнчанія у насъ, кромѣ того что здѣсь она нѣсколько короче. Послѣ вѣнца, всѣмъ роднымъ, высокопоставленнымъ лицамъ и иностранцамъ роздали по цвѣтку изъ букета и по куску подвязки новобрачной. Я тоже получилъ свою долю. Затѣмъ былъ большой ужинъ, послѣ котораго новобрачную повели въ спальню, а въ залѣ начались тосты. Ихъ было безчисленное количество, но такъ какъ вино оказалось очень хорошимъ, то никто на это не жаловался, а въ томъ числѣ и я. Вернулись мы домой, чтобы тотчасъ же ѣхать далѣе, но такъ какъ Пюнгеюру хотѣлось остаться, то онъ и подстроилъ препятствіе — лошади оказались не готовы. Поэтому намъ пришлось уступить просьбамъ графа и графини Огинскихъ и провести у нихъ еще одну ночь.

Отъ 26 до 29.

Утромъ въ среду у меня перебыло много народа: г. Фагонъ, французскій офицеръ на русской службѣ, пользующійся въ Польшѣ очень плохой славой; шевалье де-Сентъ-Круа, служившій у конфедератовъ, взятый въ плѣнъ, сосланный въ Сибирь и т. д.; г. Боно, неглупый малый, хотя немножко жеманный. Онъ семь лѣтъ былъ личнымъ секретаремъ примаса, раньше того путешествовалъ по Италиі, а теперь желалъ получить мѣсто секретаря посольства.

Всѣ эти прощальныя визиты предвѣщали нашъ скорый отъѣздъ и потому были мнѣ пріятны, такъ какъ я очень былъ недоволенъ своимъ представленіемъ королю и тѣмъ, что маркизъ совсѣмъ не поручалъ мнѣ никакихъ дѣлъ. Я даже только случайно узналъ, что онъ писалъ о чемъ-то министру и что Розуа *) снималъ копіи съ какихъ-то очень важныхъ бумагъ.

Выѣхали мы изъ Варшавы въ семь часовъ вечера, да потомъ еще долго провозились съ переправой на паро-

*) Второй секретарь.

мѣ черезъ Вислу, которая очень широка и быстра. Страна, по которой мы затѣмъ два дня ѣхали, оказалась болѣе красивой и богатой, чѣмъ по ту сторону Варшавы.

Въ восемь часовъ вечера, въ пятницу, мы прибыли въ Бѣлостокъ, къ графинѣ Браницкой, вдовѣ великаго гетмана и сестрѣ короля Станислава Понятовскаго. Жюинье и Пюнсегюръ, ѣхавшіе въ англійской каретѣ, тотчасъ же отправились въ замокъ, причѣмъ Пюнсегюръ даже не успѣлъ перодѣться, такъ какъ маркизъ никого не предупредилъ о предстоящемъ визитѣ. Меня посылали искать, но я не хотѣлъ являться къ графинѣ въ дорожномъ костюмѣ и тѣмъ далъ маркизу почувствовать его небрежность.

Суббота, 29.

Вставши утромъ, я наскоро одѣлся, чтобы идти съ визитомъ въ замокъ. Дорогою осматривалъ городъ, который нашелъ очень красивымъ: широкія, прямыя улицы; крытыя черепицей, однообразныя домики съ мансардами; передъ каждымъ изъ нихъ—дворъ и троттуаръ. Дворецъ или замокъ гр. Браницкой великолѣпенъ; комнаты въ немъ огромныя и прекрасно меблированы. Вошли мы къ графинѣ вмѣстѣ съ маркизомъ Жюинье, который забылъ меня представить, такъ что я долженъ былъ представиться самъ. Графиня приняла меня прекрасно. Затѣмъ мы у ней обѣдали; за обѣдомъ присутствовала одна французенка, м-мъ Люллье. Послѣ обѣда гуляли по саду, который хорошъ, но ничего необыкновеннаго собою не представляетъ.

Уѣхали мы въ семь часовъ вечера, обильно снабженные всякаго рода провизіей. Между прочимъ графиня велѣла намъ дать нѣчто вродѣ желѣзной корзины на палкѣ; въ эту корзину кладутся еловыя или сосновыя лучинки и зажигаются ночью, вмѣсто фонаря. Мѣстные крестьяне освѣщаютъ такими лучинками свои дома.

Съ 30-го по 31-ое включительно.

Проѣхавъ ночью черезъ Куреницу и другіе городки, похожіе на тѣ, кото-

рыя встрѣчались намъ передъ Варшавой, въ одиннадцать часовъ утра приѣхали мы въ Гродно. Этотъ городъ когда-то, какъ мнѣ говорили, очень богатый, теперь точно разрушенъ неприятелемъ. Онъ уступами поднимается Нѣманомъ, который течетъ внизъ. У дома, занятаго маркизомъ, оказался почетный караулъ, присланный литовскимъ подскарбіемъ (trésorier), графомъ Тизенгаузомъ, который здѣсь командуетъ. Вскорѣ и самъ онъ явился пригласить насъ къ обѣду. Этотъ магнатъ очень красивъ, образованъ и обладаетъ живымъ воображеніемъ. Онъ насъ угостилъ очень обильнымъ, но плохимъ обѣдомъ; вино тоже было плохо. За обѣдомъ было много гостей, одѣтыхъ по польски, что производить довольно внушительное впечатлѣніе. Послѣ обѣда мы слушали домашній оркестръ хозяйина, очень хорошей. Были также пѣвцы и пѣли по итальянски. Всего интереснѣе то, что эти пѣвцы и музыканты суть рабы, которыхъ учили съ равныхъ лѣтъ и успѣли научить всему, что дается человѣку, не обладающему особой геніальностью. Затѣмъ хозяинъ, гордившійся своимъ хозяйствомъ, показалъ намъ устроенныя имъ фабрики различныхъ тканей, суконъ, бархата, парчи, кружевъ, а также экипажей разнаго рода. Во главѣ этихъ фабрикъ стоятъ три француза. Но я не думаю, чтобы эти фабрики оправдывали свое назначеніе и приносили какую-нибудь пользу: устроены они плохо, издержекъ требуютъ громадныя, доходъ приносятъ не большой, такъ что только однимъ чванствомъ можно объяснить ихъ существованіе. При осмотрѣ хозяйства гр. Тизенгауза, я не могъ не смѣяться надъ Розуа, который ежеминутно приходилъ въ восторгъ и сыпалъ техническими словами, за нѣмнѣиѣмъ настоящихъ техническихъ знаній. Его всѣ называли „господиномъ секретаремъ“, что заставляло его пыжиться и пить какъ заправскій полякъ, вызывая этимъ похвалы со стороны послѣднихъ. Кончилось это, однакожъ, не очень красиво, такъ какъ пьяный Розуа поссорился съ Пюнсегюромъ, пославшимъ его къ чорту. А затѣмъ онъ поссорился и съ аббатомъ, такъ

что присутствующіе поляки говорили: „Однако г. секретарь не особенно вѣжливъ, для француза“.

Выѣхали мы изъ Гродно въ семь часовъ, на лошадахъ Тизенгауза и съ его конюхомъ, что заставило маркиза ворчать, такъ какъ ему пришлось давать на водку, „ни за что ни про что“, какъ говорилъ маркизъ. Послѣдній и гуть, впрочемъ, выгадалъ, такъ какъ заплатилъ меньше, чѣмъ стоила-бы почта. Согласно обычаю, мы ѣхали всѣ ночь, причѣмъ выдержали сильную грозу.

Съ 1-го по 7-е августа.

Обѣдали мы на фермѣ Тизенгауза, на берегу Нѣмана. Оттуда проѣхали черезъ Новогрудокъ, Корелице и Миръ. Утрава довольно красивая; большія равнины, покрытыя прекрасными явнами. Несчастный Розуа, благодаря которому мы ѣдемъ на Смоленскъ, мѣсто того, чтобы ѣхать прямо въ Петербургъ, чего мы хотѣли, подвергается теперь всеобщимъ насмѣшкамъ. Но за то онъ ухаживаетъ за маркизомъ, которому это нравится. Въ Мирѣ у меня съ нимъ произошла тычка, кончившаяся любезнымъ предложеніемъ съ моей стороны попробовать моей палки. Не виѣшайся пасторъ, аэль онъ бы ее и попробовалъ.

Изъ Мира мы пріѣхали въ Минскъ, гдѣ я встрѣтилъ очень хорошенъкихъ вѣвухекъ, которыхъ очень смѣшилъ которыхъ вознаградили меня за дожную скуку. Изъ Минска я поѣхалъ въ одной кибиткѣ съ Пюнсегюромъ, который также, какъ и я, недоволенъ маркизомъ и прямо мнѣ это высказалъ. Дорогой сломалась у насъ ось, исправленіе которой задержало насъ на нѣсколько часовъ въ одной деревушкѣ. Схвативши затѣмъ день и ночь, мы 6-го числа прибыли въ Толочинъ (Tolotzin), первый русскій городъ со стороны Польши. Тутъ состоялся таможенный мотръ болѣе поверхностный, чѣмъ мы гадали. Надо замѣтить, что, въ виду того ожиданія, мой лакей (Гарри, замѣшавшійся торговлей) просилъ меня принять на свой счетъ нѣкоторые торы, которые онъ везъ съ собою. Я зирежословно согласился и взялъ

болѣе, чѣмъ на пять тысячъ ливровъ разныхъ вещей, но эта предосторожность оказалась ненужной—насъ почти не осматривали.

Замѣчу по этому поводу, что мы съ маркизомъ Жюинье держались различныхъ принциповъ въ отношеніяхъ къ прислугѣ. Маркизъ думалъ, что она не должна наживаться, пользуясь его положеніемъ, что конечно очень стѣсняло его лакеевъ. А я думалъ наоборотъ, что мы должны содѣйствовать ихъ обогащенію, насколько это совмѣстно съ порядочностью. Но мы не въ одномъ этомъ расходимся съ маркизомъ; чѣмъ болѣе я изучаю этого человѣка, тѣмъ менѣе его понимаю. Поведеніе его кажется мнѣ непослѣдовательнымъ. Онъ, на примѣръ, сочувствуетъ принципу свободы торговли и въ то же время одобряетъ таможенную систему и ввозныя пошлины. Въ Мирѣ мы, по этому поводу, вели споръ. Маркизъ не любитъ политическихъ споровъ. Мнѣ кажется, что онъ вообще о многомъ не имѣетъ собственнаго мнѣнія, а придерживается чужихъ, которыя часто противорѣчатъ его инстинктамъ. Его Превосходительство—человѣкъ довольно таки ограниченный.

Изъ Толочина, переправившись черезъ Днѣпръ, мы поѣхали далѣе. Страна здѣсь гораздо лучше той, которую мы только что покинули. Со всѣхъ сторонъ видны плодородныя и покрытыя всѣми родами хлѣбовъ пашни. Это—одна изъ лучшихъ провинцій Польши, потому то ее и отняли.

Вторникъ 8.

Въ Смоленскъ мы прибыли въ три часа пополудни, при громѣ пушекъ. Маркизу приготовлено помѣщеніе, у воротъ котораго выставленъ почетный караулъ по крайней мѣрѣ въ 45 человекъ. Губернаторъ тотчасъ же явился къ намъ съ визитомъ, который мы ему отдали. Маркизъ согласился здѣсь переночевать, но насъ положили спать на сѣнѣ съ червями. Начали мы съ плохого обѣда, окрашеннаго только хорошимъ аппетитомъ, а затѣмъ Комбсъ, Пюнсегюръ и я пошли осматривать городъ. Онъ представляетъ собою группу

деревянныхъ домиковъ съ садиками и окруженъ глубокимъ, сухимъ рвомъ, черезъ который проложенъ деревянный мостъ. Посрединѣ города находится огромная площадь, служащая мѣстомъ для прогулокъ. Съ этой площади мы пошли въ одну улицу, съ которой слышалась музыка, и когда остановились передъ тѣмъ домомъ, гдѣ она играла, то хозяинъ попросилъ насъ зайти и принять участіе въ танцахъ. Балъ былъ во всемъ разгарѣ. Я тамъ встрѣтилъ очень хорошенькую женщину, съ которой много говорилъ. Уходя я далъ себѣ слово разыскать ее зимою, въ Москвѣ или Петербургѣ.

Съ 9 по 12.

Изъ Смоленска мы выѣхали въ пять часовъ утра, тоже подъ громъ пушекъ—честь, которая оказывается обыкновенно посламъ, но не вредитъ и посланникамъ. Во всякомъ случаѣ она доказываетъ вѣжливость обывателей Смоленска и служить для насъ хорошимъ предзнаменованіемъ.

Три послѣдніе дня мы ѣхали не останавливаясь и ничего необыкновеннаго не произошло. Страна теперь опять стала похуже, много необработанныхъ земель, мало селеній и домовъ. Да и холодъ начинается быть чувствительнымъ—видно, что мы двигаемся къ сѣверу.

Съ 12 по 26.

Въ Москву мы пріѣхали въ 10^{1/2} часовъ вечера, сдѣлавъ громадный кругъ по этому дьявольски—большому городу, который при лунномъ свѣтѣ, показался мнѣ чрезвычайно безобразнымъ. Сомнѣваюсь, чтобъ и днемъ онъ былъ красивѣе.

Пріемъ, оказанный намъ г. Дюраномъ¹⁾, былъ болѣе чѣмъ холоденъ. Я полагаю, что Дюрану надоѣло ждать маркиза, а такъ какъ послѣдній и самъ не былъ ни любезенъ, ни разговорчивъ, то двумъ нашимъ министрамъ, черезъ четверть часа, не объ чемъ было

больше и разговаривать. Хорошо, что ужинъ выручилъ ихъ изъ затрудненія и пришелъ на помощь нашему отчаянному голоду. По окончаніи ужина, заговорили о снѣ и мы съ Пюнсегюромъ были очень удивлены, узнавъ, что намъ отведено помѣщеніе верстахъ въ трехъ или четырехъ отъ дома, занимаемаго начальствомъ Карета, однакожь, была готова, и люди г. Дюрана проводили насъ въ какой-то не то кабакъ, не то вертепъ, въ которомъ не оказалось ни одной кровати. Нѣкій Дофинэ, содержатель этого трактира, далъ намъ изъ милости матрасы, на одномъ изъ которыхъ я и растянулся не раздѣваясь. Положимъ, я былъ привыченъ спать такимъ образомъ, но все же не ожидалъ отъ маркиза такой забывчивости. Было бы нѣсколько вѣжливѣе съ его стороны позаботиться о нашихъ нуждахъ или хоть предупредить насъ заранѣе. Въ этомъ и заключается настоящая вѣжливость, а не въ томъ, чтобы пропускать васъ первымъ въ дверь, что маркизъ постоянно дѣлаетъ. А когда заговоришь о кровати, то онъ весьма тонко замѣчаетъ, что „въ арміи еще хуже бываетъ“.

Съ пріѣзда сюда, у меня не было времени хорошенько анализировать различныхъ лицъ, съ которыми я познакомился. Первый изъ нихъ г. Дюранъ. Онъ мнѣ показался тонкимъ наблюдателемъ, съ перваго взгляда оцѣнивающимъ людей, и я сильно ошибаюсь, если онъ не успѣлъ уже оцѣнить нашего маркиза. Секретарь его, Мальво, не глупъ, и подъ холодной, вѣжливой виѣшностью скрываетъ слое тщеславіе и желаніе быть тонкимъ; но мнѣ не нравится фатовской оттѣнокъ всѣхъ его рѣчей. Онъ претендуетъ на званіе секретаря посольства, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ. За обѣдомъ я видѣлъ нѣкоего князя Одоевского, который, какъ большинство русскихъ, отличается официальной вѣжливостью; въ сущности это пустой, фальшивый и не пользующійся уваженіемъ человекъ. Онъ—хозяинъ дома, въ которомъ живетъ Дюранъ и будетъ жить маркизъ де-Жюинье.

Приходилъ Ролэнъ, французъ, гу-

¹⁾ Французскій посоль. Дворъ и дипломатическій корпусъ были тогда въ Москвѣ.

вернеръ пажей, хотя и не говорить по-русски. Это—добрый и забавный малый, игрокъ и болтунъ. Говорятъ, что онъ пріѣхалъ въ Россію искать мѣсто новара; проживъ тридцать лѣтъ, онъ, должно быть, умѣлъ себя вести и порядочно нажить: большого богатства не нажилъ, но пользуется достаткомъ и ведетъ пріятную жизнь.

Первымъ иностраннымъ посланникомъ, котораго я видѣлъ, былъ графъ Сольмсъ ¹⁾. Съ виду холодный и простодушный, онъ однакожъ очень хитеръ; за пятнадцать лѣтъ пребывания въ Россіи онъ научился русскому языку, что даетъ ему возможность выходить въ различные кружки. Онъ—кавалеръ прусскаго ордена Чернаго Орла и русскаго—Александра Невского.

Очаровательный человекъ, который не долго здѣсь останется, это великій гетманъ, графъ Браницкій ²⁾. Удивительно любезенъ; говорить о женщинахъ, о дѣлахъ, объ удовольствіяхъ, какъ настоящій французъ, и при томъ свѣтскій человекъ. Это одинъ изъ тѣхъ милыхъ прожигателей жизни (coués), которыхъ всѣ такъ любятъ! Графъ Браницкій пріѣхалъ сюда по дѣламъ ³⁾ и я увѣренъ, что онъ ихъ успѣшно кончитъ: такіе люди какъ будто созданы для этой страны.

Общественныхъ развлеченій въ Москвѣ немного. Есть комическая опера, не особенно важная, хотя театральнѣйшій залъ хорошъ. Я тамъ видѣлъ *Юлію*, сыгранную довольно плохо. Есть талантливый актеръ, по имени Дюгэ, также какъ и актриса м-мъ Де-фуа, съ которой онъ живетъ. Прежде они играли въ Брюсселѣ. А помимо ихъ двухъ, талантливыхъ актеровъ мало. Тоже можно сказать и о m-ше *Pincemaille*, которая, однакоже, высока, молода и красива.

На другой или на третій день было гулянья въ Вокзалѣ, на которомъ я

присутствовалъ. Вокзалъ, это большой садъ, принадлежащій какому-то магнату и отдаваемый имъ внаймы антрепренеру гуляній. Садъ кончается прудомъ, около котораго играетъ музыка. Кромѣ того въ отдѣльныхъ боскетахъ помѣщены маленькіе оркестры, изъ коихъ одинъ состоялъ изъ духовыхъ инструментовъ, дающихъ только одинъ тонъ. Выходить нѣчто въ родѣ плохого органа, напоминающаго музыку савойяровъ на парижскихъ улицахъ. По вечерамъ садъ освѣщался фонариками, а въ большомъ залѣ танцуютъ и играютъ въ карты. Входъ стоитъ рубль и гулянье продолжается до двухъ часовъ ночи.

Познакомился я съ графомъ Лясси, испанскимъ посланникомъ, человекомъ очень умнымъ и обладающимъ благородной осанкой. Въ воскресенье я у него обѣдалъ, а послѣ обѣда мы смотрѣли ученье гусарскаго полка, состоящаго подъ командой Потемкина. Лошади въ этомъ полку всѣ съ Украйны, маленькія, но сильныя и быстрыя. Въ общемъ полкъ продѣлывалъ маневры хорошо.

Есть здѣсь нѣкто шевадье де-Порталисъ, провансалець; онъ ко мнѣ заходилъ, но не засталъ дома. Не знаю, кто это такой.

Мелочность маркиза де-Ж. все растеть и растеть. Даже въ разговорахъ она проглядываетъ, и такъ какъ онъ скрывать ничего не умѣетъ, то всѣ видятъ его недостатки. Мнѣ и Пюсегюру онъ не даетъ ни мебели, ни постелей. Правда онъ не обязанъ дѣлать это, но вѣдь нужно же быть вѣжливымъ. Что касается меня, то посмотримъ, какія условія онъ мнѣ предложитъ. Кстати онъ нашелъ средство уменьшить расходы—каретный ящикъ будетъ служить намъ для хранения шифра. Одной шкатулкой меньше, и маркизъ въ восторгѣ! Я помню, что онъ какъ-то разъ высказалъ, въ видѣ общаго правила, что „въ хозяйствѣ нѣтъ пустяковъ“. Къ несчастію, это правило давно извѣстно. Я былъ очень удивленъ, когда Мальво мнѣ сказалъ, что маркизу не повезетъ въ этой странѣ, что здѣсь уже знаютъ о промахахъ, сдѣланныхъ имъ въ Польшѣ, о

¹⁾ Прусскій посланникъ.

²⁾ Францискъ-Ксаверій, впоследствии женившийся на племянницѣ Потемкина, Александрѣ Васильевнѣ Ангельгардт, и окончательно продавшійся Россіи.

³⁾ Просить отозванія русскаго посла въ Варшавѣ. Штакельберга.

нашемъ представленіи королю и о поведеніи маркиза въ разговорѣ съ послѣднимъ. Я былъ удивленъ, откуда они знаютъ такія подробности, но оказалось очень просто: въ одномъ здѣшнемъ домѣ, должно быть у графа Браницкаго или у князя Адама Чарторижскаго, за обѣдомъ кто-то разсказалъ, что Птакельбергъ видѣлъ въ Варшавѣ французскаго посланника, и что это „человѣкъ невѣжественный, однимъ словомъ дуракъ“. Вотъ какъ оцѣнили человѣка еще до его прибытія; измѣнится ли эта оцѣнка теперь?

Вотъ уже нѣсколько дней какъ насъ съ Пюнегюромъ помѣстили рядомъ съ посольствомъ, въ трехъ комнаткахъ, которыя маркизъ нанялъ для насъ до отъѣзда г. Дюрана. У меня было на этой квартирѣ довольно забавное приключеніе. По одной со мною лѣстницѣ жила тамъ хорошенькая молодая женщина, знакомая домовладѣльца. Я сталъ ее преслѣдовать, когда она поднималась или спускалась по лѣстницѣ, но такъ какъ мы говорили на разныхъ языкахъ и другъ друга не понимали, то столкнуться было довольно трудно. Глаза ея, однакожъ, доказывали, что она меня понимаетъ. Вслѣдствіе этого, я однажды попробовалъ пожать ея ручку, а потомъ, видя, что могу объяснить только жестами, сталъ ихъ разнообразить. Приходилось, однакожъ, быть осторожнымъ, чтобы не погубить всего дѣла, такъ какъ мы были окружены аргусами. Образецъ моихъ дѣйствій, очевидно, понравился моей сосѣдкѣ. При слѣдующей встрѣчѣ я уже поцѣловалъ ее довольно выразительно; она отнеслась къ этому, какъ настоящая француженка, почему я и послѣдовалъ за нею въ ея комнату. Тамъ, конечно, начались новыя объятія, но дальше я идти не посмѣлъ, боясь, чтобы насъ не захватили. Пришлось изъ благоразумія разстаться. Я уже думалъ, что на этотъ день ничего не предстоитъ новаго, и вечеромъ, раздѣваясь, сталъ придумывать планъ на завтрашній день, какъ вдругъ слышу, что кто-то босыми ногами спускается съ лѣстницы, отворяю дверь и вижу мою сосѣдку... Это приключеніе продолжалось два дня, а затѣмъ моя

нимфа уѣхала въ деревню, оставивъ меня вдовцомъ, не знающимъ даже кто она такая. Впослѣдствіи, я узналъ, что это была жена какого-то офицера.

Суббота, 26.

Маркизъ былъ представленъ Императрицѣ въ ея кабинетѣ, а насъ она въ этотъ день принять не захотѣла. Послѣ обѣда Пюнегюръ, Комбсъ и я были въ Воспитательномъ Домѣ. Царствующій тамъ порядокъ, выкармливаніе дѣтей и проч. доставили мнѣ большое удовольствіе. Думаю осмотрѣть это учрежденіе подробно.

Воскресенье, 27.

Маркизъ далъ мнѣ прошифровать депешу, послѣднюю отъ имени г. Дюрана; она датирована 28 числомъ.

Вечеромъ я гулялъ въ городскомъ саду; онъ недурень. Единственная аллея, по которой гуляютъ, не широка; налѣво отъ нея — прудъ, къ которому спускаются по лѣстницѣ. Нижняя часть сада устроена на англійскій манеръ, что дѣлаетъ ее разнообразной и красивой. Все время прогулки было у меня занято разговоромъ съ шевалье де-Порталисъ; онъ ожидалъ, что графъ де-Верженъ *) напишетъ объ немъ маркизу. Я узналъ, наконецъ, зачѣмъ онъ сюда пріѣхалъ. Сначала онъ служилъ подпоручикомъ въ Турэнскомъ полку и вышелъ оттуда, надѣясь получить роту въ одномъ изъ колониальныхъ полковъ, что ему было обѣщано. Между тѣмъ имущественныя дѣла заставили его отправиться на Мартинику или въ Санъ-Доминго, а по возвращеніи оттуда въ 1774 г. онъ уже опоздалъ получить назначеніе, да кстатіи еще влюбился въ жену Ивана Чернышева, за которой и послѣдовалъ въ Россію. Проживъ здѣсь пять недѣль и не имѣя рекомендательнаго письма къ Дюрану, онъ былъ у послѣдняго только одинъ разъ

*) Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ.